

Анна Сорока
Соня Миронова

ПОЛИЦИЯ

МОЙ ОПЕР
Золотой Колос

Соня Миронова

Мой опер. Золотой колос

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой опер. Золотой колос / С. Миронова — «Автор», «Автор»,
2026

Я бросилась в горящий склад не ради денег: там семена уникальной пшеницы и тридцать лет отцовского труда. Из огня меня вытащил капитан полиции Роман Стрельцов — опер, которому я не собиралась доверять. Ведь пока мое хозяйство пытаются сжечь и отнять, местный участковый предлагает просто закрыть дело. Но Стрельцов не уходит. Он ищет поджигателей, прикрывает меня на опасных дорогах и смотрит так, что я забываю, как дышать. Я привыкла сама держать руль и отвечать за свою землю. Он привык защищать — даже когда я спорю. Между нами раскаленная степь, чужие большие деньги и чувство, которого уже не спрятать. Только теперь под угрозой не один урожай: потерять можно и мужчину, рядом с которым впервые не страшно.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Сорока

Мой опер. Золотой колос

Мой опер. Золотой колос
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Июльский суховей выль в разошедшихся рамах отцовского дома так, словно сама степь задышалась от зноя. Днем в Степном термометр зашкаливал за тридцать восемь в тени, а к ночи воздух лишь загустел, превратившись в горячую, плотную взвесь из раскаленной пыли и горькой полыни. Земля за день накалялась так, что даже сквозь подошвы чувствовался ее тяжелый жар.

Я проснулась за секунду до того, как тишину дома вспорол яростный, дребезжащий звонок старого дискового телефона на тумбочке.

Стервятники никогда не били средь бела дня. Они всегда выбирали самый глухой пред-рассветный час.

— Ксения Андреевна! Беда, деточка! — хрипел в трубку старый сторож Михалыч, захлебываясь кашлем. — Ток горит! Второй ангар запалили! Полыхнуло сразу с четырех углов, мать божья, крыша гудит, пламя до неба!..

Трубка полетела на рычаг. Сердце ударило в горло тяжелым, ледяным толчком. Во втором ангаре лежал весь наш семенной фонд — двести тонн суперэлиты «Степная заря». Десять долгих лет непрерывной селекции. Труд всей жизни моего отца, Андрея Петровича, который этой весной упал прямо в борозду опытного участка, сжимая в пальцах прошлогодний колос. Если сгорит семя — от хозяйства не останется ничего, кроме миллионных долгов банку и позорного пепелища.

Я впрыгнула в рабочие джинсы, натянула грубую брезентовую штормовку, сунула босые ноги в кирзовые ботинки и выскочила во двор. Небо над восточной окраиной поселка уже полыхало багровым, зловещим светом. Над черными верхушками вязов лесополосы вздымался чудовищный огненный столб.

Старый отцовский УАЗ взревел мотором со второй попытки. Выбив веер щебня из-под колес, я вылетела на грейдер. Степной ветер швырял в лобовое стекло сухую пыль, но уже на подъезде к машинно-тракторной станции ее сменили хлопья жирного серого пепла.

Двор МТС гудел от паники. Вокруг горящего ангара метались растерянные тени механизаторов с бесполезными ведрами и лопатами. Жестяная кровля склада раскалилась до вишневого свечения, из-под карнизов с гулким свистом вырывались языки пламени.

— Замки рубите! Чего встали?! — крикнула я, вываливаясь из кабины прямо на горячий асфальт.

Ворота из пятимиллиметровой стали были намертво заперты на тяжелый амбарный замок. Раскаленная чудовищным жаром стальная дужка намертво заклинила в перекошенной проушине, краска на створках вспузырилась черными лохмотьями. Жар от стены бил в лицо с такой силой, что мгновенно запеклись губы.

Я метнулась к пожарному щиту, сорвала с крючьев тяжелую кузнечную кувалду и со всего размаха ударила по раскаленному засову. Звон железа расколол вой огня, руки обожгло отдачей до самых плеч. Засов треснул и отлетел, но массивные створки не шелохнулись ни на сантиметр: от температуры металл швеллеров повело дугой, намертво расперевав конструкцию в кирпичном проеме.

— Бесполезно, Ксения Андреевна! — орал молодой парень-учетчик, заслоняя лицо локтем. — Кладку раздуло, сейчас балки на голову рухнут!

— Назад! Не мешайте!

Времени не оставалось. У ремонтных боксов стоял дежурный трактор «Беларус-1221». Я взлетела на железную подножку, захлопнула дверь и повернула ключ зажигания. Шестицилиндровый дизель рывкнул, выплюнув клуб черного солярочного дыма. Не прогревая мотор, я включила задний ход и подогнала тяжелую машину вплотную к створкам.

Выскочив в пекло, я подхватила с земли толстый стальной трос с палец толщиной. Накинула петлю за раму заклинивших ворот, а второй конец намертво защелкнула на фаркопе трактора. Снова в кабину. Педаль газа в пол. Колеса взвыли, широкая протекторная резина с визгом шлифанула масляный бетон двора, пахнуло жженой резиной. Трос натянулся, зазвенев тугой струной.

Я сжала зубы и с силой вдавила вниз рычаг принудительной блокировки дифференциала.
«Давай, родной, тяни за отца!»

Все четыре колеса вгрызлись в бетон. Раздался оглушительный металлический визг и треск ломающегося кирпича: правую створку вырвало из несущей стены вместе с куском силикатной кладки.

И в ту же секунду из распахнутого черного жерла ангара мне в лицо вырвался столб ядовито-сизого пламени. Ноздри полоснуло резким химическим смрадом. Так не горело сухое зерно. Кто-то явно помогал огню, но выяснять чем сейчас было некогда.

Бросив трактор, я перебежала к дизельному погрузчику, стоящему под навесом. Завела мотор с полоборота.

— Ксюша, стой! С ума сошла, куда в огонь?! — истошно кричал бригадир дядя Миша, пытаюсь схватить меня за рукав.

— Пусти, дядя Миша! Там элита, там первые партии с селекционных делянок!

Пригнув голову к рулю и зажав нос мокрым платком, я направила погрузчик прямо в ревущий дымный ад склада. Глаза мгновенно застлало едкими слезами, воздух обжигал легкие. Сквозь дымовую завесу я различила многоярусный деревянный поддон с плотными крафтовыми мешками суперэлиты «Степной зари». Завела вилы под брус, нажала рычаг гидравлики. Погрузчик натужно заурчал, поднимая тяжелый груз.

И в этот миг прямо над моей головой с треском лопнула горящая балка перекрытия. Тяжелое пылающее бревно рухнуло вниз, перекрывая выезд. Медлить значило стореть заживо. Я рванула рычаг подъема стрелы на максимум: стальная мачта с грохотом врезалась в бревно снизу, отшвыривая его в сторону. Горящий рубероид осыпал капот, но на полной скорости заднего хода я выдернула первый поддон наружу, прямо на асфальт двора, где его тут же подхватили трактористы.

— Дядя Миша, гидрант открывай! Охлаждай стену соседнего склада! — крикнула я, вытирая сажу со лба.

Бригадир уже крутил вентиль пожарного гидранта у стены мастерских, но раскатанный рукав лишь бессильно сморщился. Стрелка манометра лежала на нуле.

— Перекрыто! Сволочи, шток вентиля болгаркой срезали под корень! — взревел старик, колотя кулаком по чугуну. — Воды нет!

— Заводите водовозку ГАЗ-53! — скомандовала я. — Мотопомпу на полный газ, воду из цистерны прямо на деревянную галерею!

Мужики слаженно бросились к водовозке. Затарахтела бензиновая помпа, тяжелая струя речной воды ударила в сухие доски галереи соседнего склада, сбивая подступающий огонь и поднимая облака белого пара.

Пока я возвращалась за следующими поддонами, мужики открыли боковой выезд. Второй погрузчик пошел с другой стороны; мешки передавали на прицепы, уже не считая обоженных ладоней. Большую часть семени мы успели вывезти, когда пламя добралось до весовой каптерки.

Но главный ужас ждал впереди. В самом дальнем углу горящего ангара, за кирпичной перегородкой весовой каптерки, стоял тяжелый огнеупорный сейф. В нем хранились не деньги — там лежали тридцать общих тетрадей в клеенчатых переплетах. Дневники селекции моего отца за тридцать лет: формулы скрещивания, паспорта родительских линий, полевые карты всхожести. Без них восстановить генетику «Степной зари» было невозможно.

Я натянула штормовку на голову, вылила на себя ведро воды и бросилась обратно в пекло.

В каптерке стояла черная мгла. Каждый вдох драл горло раскаленным железом. Я на ощупь нашла сейф, вцепилась в стальную ручку и упала на колени. Сейф весил больше центнера, сдвинуть его одной было нереально. Я накрыла его мокрой курткой, прижалась щекой к горячему металлу, чувствуя, как начинают плавиться подошвы ботинок:

«Папа... Не отдам. Не брошу...»

Сверху со стоном прогнулась потолочная балка. Рухнул шифер, осыпая меня огненными искрами. Я зажмурилась, готовясь к удару.

И вдруг в дверной проем каптерки ворвалось ослепительно-белое облако: струя мощного огнетушителя на три секунды прибила пламя к полу.

Железные руки рывком оторвали меня от пола. Я успела увидеть лишь широкие плечи в темной расстегнутой куртке, жесткий профиль с темными сосредоточенными глазами и кожаную кобуру под мышкой.

— С ума сошла, Лаврова?! — рявкнул незнакомец низким, хриплым басом.

Он не слушал моих попыток вырваться. Одной рукой он прижал меня к своему бедру, а второй с нечеловеческой силой рванул сейф за стальную ручку, опрокидывая его на ребро к выходу. В этот миг сверху взорвался очередной очаг горючей смеси: огненная вспышка раскаленных паров лизнула его левое предплечье. В воздухе остро запахло паленой форменной тканью и обожженной кожей. Незнакомец лишь глухо заскрежетал зубами и вытолкнул меня в дверной проем. Дядя Миша и двое механизаторов подхватили сейф снаружи, выволокли его во двор и оттащили нас от стены — ровно за миг до того, как с чудовищным грохотом рухнула вся кровля ангара.

Мы выкатились на асфальт. Меня колотило крупной дрожью. Закашливаясь сажей, я попыталась вскочить, чтобы бежать обратно:

— Там зерно... Там фураж!..

Мужчина перехватил мои руки. Его тяжелые, жесткие пальцы намертво стиснули мои запястья, не давая вырваться. Он встряхнул меня и одним движением впечатал спиной в теплый борт служебной «Лады», закрывая от жара своим телом:

— Там уже смерть, Лаврова! Семя цело. Сейф на земле. Стой и дыши!

Он сорвал с себя форменную куртку и накинул мне на плечи. Ткань хранила запах полыни, табака, оружейного масла и его крепкого, спокойного мужского тепла.

В этот миг порыв ветра понес сноп горящих углей прямо на две автоцистерны-бензовоза у забора. Механизаторы дрогнули, кто-то бросил лопату с криком «Рванет!».

Офицер среагировал мгновенно. Его рука метнулась под мышку, и сухой выстрел табельного пистолета в воздух хлестнул по нервам:

— Стоять! — гаркнул капитан так, что смолк даже гул пожара. — Дядя Миша — заводи тяжелый трактор! Отсечь цистерны контрольной бороздой на штык плуга! Остальные — мокрый брезент на баки! Шаг назад — оформлю за саботаж!

Властный приказ подействовал отрезвляюще. Трактор вспорол землю, подняв защитный вал глины, а мужики накрыли цистерны мокрым брезентом. Опасность взрыва миновала.

Ангар догорал, но восемьдесят процентов семенной суперэлиты и отцовские архивы были спасены. А рядом со мной тяжело дышал незнакомый капитан полиции, не спускавший цепкого взгляда с огня.

Глава 2

К четырем часам утра пожар затих, оставив черные скелеты балок и едкую сизую гарь. Небо над степью начинало светлеть, когда к воротам базы подкатил полицейский УАЗ с синей полосой.

Из машины неторопливо выбрался местный участковый — капитан Сидоркин. Сытое, круглое лицо, бегающие масляные глазки и чистенькая, отглаженная форма без единого пятнышка сажи.

Сидоркин окинул руины ленивым взглядом, подошел ко мне и с притворной скорбью покачал головой:

— Какая беда, Ксения Андреевна... Говорил я твоему покойному отцу: проводку менять надо. Вот и замкнуло по суховею. Подпиши здесь, Лаврова.

Он протянул мне заранее заполненный бланк постановления и шариковую ручку:

— «Короткое замыкание электропроводки». Дело закроем без шума, штраф через сельсовет заплатишь копеечный. А иначе пожарные базу опечатают на три месяца до окончания экспертизы. Сама понимаешь, уборочная сорвется.

Я сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони:

— Какая проводка, Сидоркин?! Мы в мае медный кабель бросили! Автоматы немецкие стояли! За километр химией несет, вентили срезаны, а ты мне замыкание подсовываешь?!

Участковый скривил губы:

— Не дури, девка. Подписывай, пока по-хорошему прошу. А то ведь и под статью пойдешь за халатность...

— А ну убери бумагу, Сидоркин.

Голос прозвучал негромко, но от него участковый словно окаменел. Из-за обгоревшей стены вышел мой спаситель. Рукав его форменной рубашки на левой руке обгорел, на предплечье багровел ожог, но держался он уверенно и прямо.

Незнакомец подошел вплотную, молча вырвал бланк из рук Сидоркина, скомкал его в кулаке и бросил в грязь:

— Свободен в дежурку, Сидоркин. И молись, чтобы я твоих отпечатков на канистрах не нашел. Здесь работает ОЭБиПК района. Старший оперуполномоченный капитан Стрельцов. Пошел вон с территории.

Сидоркин позеленел, попятился к машине и дал по газам так, что взвизгнули мосты.

— Спасибо, — глухо сказала я.

— Рано благодарить, Лаврова, — сухо отозвался капитан. — Ищи фонарь и скребок. Пошли смотреть, чем тебя жгли.

— Роман, — сказал он, когда мы спустились в обугленный подвал под складом. — А ты Ксения. Я у вас уже месяц собирался побывать — по жалобам на Бурова.

Здесь стояла тяжелая духота. Роман включил ультрафиолетовый фонарь и присел на корточки в центре помещения. Синий луч высветил на бетонном полу идеально круглое пятно прогара глубиной в пять сантиметров с чешуйчатым серебристым налетом.

— Не обычный пожар, — сказал он, доставая стальную монтажку. — Смотри, какой прогар. Остальное скажет эксперт.

Остудив находку водой из фляжки, Роман выломал из пола цилиндрическую стальную трубку с остатками магниевого запала. На уцелевшем ободке отчетливо читалась маркировка: «ТШ-45-М. Спецзаказ. Комбинат «Горнорудхимпром»».

— Похоже на зажигательное устройство, — сказал Роман. — Маркировку проверим. Но случайным замыканием здесь и не пахнет, Ксения. Тебя жгли намеренно.

Горькая обида и усталость прорвали мою сдержанность:

— И что толку с вашей железки, капитан?! Приедет ваше начальство из области, возьмет пухлый конверт у Букова из холдинга «Агро-Альянс» — и дело спустят на тормозах! А меня завтра сожгут в поле вместе с комбайном! Все вы одинаковые, когда дело касается больших денег!

Стрельцов не стал спорить. Он аккуратно уложил трубку на брезент, подошел ко мне вплотную и крепко взял меня за запястья. Его пальцы были горячими и твердыми:

— Посмотри на меня, Лаврова. Моего отца в девяностые сгноили такие же лощеные твари в пиджаках, как твой Буков. Я взятки не брал и брать не собираюсь. И землю твою жечь не позволю никому, пока я здесь стою. Ты меня услышала? Запомни это.

Его взгляд цвета степной полыни — честный, прямой, неколебимый — мгновенно погасил мою злость. Мне стало стыдно за свой крик. Я медленно кивнула, чувствуя, как по рукам от его ладоней разливается щемящее тепло.

Роман отпустил меня, достал мобильный, чтобы вызвать следственную группу, но экран показал: «Нет сети». Достав из кармана портативный сканер частот, Стрельцов щелкнул тумблером: прибор зашипел плотным белым шумом.

— Глушат. В степи развернута автомобильная глушилка широкого спектра. Связь отрезана. Пожар на току был лишь отвлекающим маневром.

Узнав о блокаде, механизаторы во дворе снова заволновались. Стрельцов распахнул багажник «Лады», достал армейский кейс с пятью новенькими портативными рациями LPD на аккумуляторах, раздал бригадирам и четко расставил людей по постам круговой обороны.

И в этот миг я бросила взгляд на дальний холм у балки Суходол.

Там, на мачте насосной станции №4, всегда горели зеленые сигнальные огни. Сейчас они погасли.

— Насосная! — выдохнула я, хватаясь за край борта. — Роман, огни вырубились! Там насосная станция номер четыре! Если они обесточат насосы, вся суперэлита на полях сгорит от засухи за двое суток!

Стрельцов шагнул к машине, щелкнул замками чехла и достал короткий карабин «Сайга-12К»:

— По коням, Лаврова. В твой УАЗ — он пройдет по оврагам. Дорогу знаешь только ты. На перехват!

* * *

Мы рванули к выезду с базы, но на развилке у весовой я резко ударила по тормозам. Из разбитых окон деревянной сторожки валил густой черный дым. Дверь была намертво заблокирована полутораметровым стальным ломом, вбитым наискось между ручкой и мощным дубовым косяком. Изнутри доносились слабые, отчаянные удары.

— Михалыч! — вскрикнула я. — Он же журнал весовой пошел закрывать!

Я бросилась к двери, сдирая ногти о холодный металл лома, но штырь сидел мертво.

— Назад! — скомандовал Стрельцов.

Он вставил ребро монтажки под лом, навалился всем весом, напрягая широкую спину. Металл скрипнул, и лом со звоном вылетел из рамы. Дверь распахнулась, обдав нас ядовитым угаром горящего поролонa.

— Стой снаружи! — крикнул Роман и шагнул прямо в дымную тьму.

Через полминуты он вытащил на свежий воздух обмякшего сторожа. Михалыч едва дышал, лицо его посинело.

Роман уложил старика на траву под акацией. Я упала на колени рядом, а он по рации потребовал скорую. Пока помощь ехала, мы пытались привести Михалыча в чувство; я не отрывала глаз от его лица.

— Дыши, Михалыч! Дыши, родной!

Старик судорожно всхлипнул, зашелся надсадным кашлем, выплевывая черную копоть, и слабо приоткрыл глаза. Его пальцы вцепились в мой рукав:

— Ксюша... деточка... Они... под крыльцо сунули... двое в масках... заперли меня...

Стрельцов опустил на колено и заглянул под дощатый настил крыльца сторожки. Веткой акации он аккуратно выкатил синюю двадцатилитровую пластиковую канистру из-под растворителя. На маслянистом боку белел прилипший кассовый чек.

Роман посветил фонариком:

«АЗС «Степь-Ойл», 14-й км трассы. Растворитель технический, 20 л. 23:14. Оплата картой: Курагин А. В.».

— Курага! — у меня перехватило дух. — Алексей Курагин! Местный уголовник, у отца солярку воровал, а теперь у Бурова на элеваторе охранником ходит!

— Расплатился личной карточкой за химию для теракта. Редкий идиот, — холодно усмехнулся Стрельцов, упаковывая чек в пакет для вещдоков.

Подоспевшая на вызов скорая фельдшера Анны приняла сторожа на носилки. Но перед тем как скрыться в салоне, Михалыч из последних сил схватил Романа за рукав:

— Командир... Они на синей «семерке» были... Правое крыло битое, в серой грунтовке... А старший в рацию орал: «Слушаюсь, гражданин подполковник Валдай! Базу запалили, уходим на подстанцию!»

Скорая с сиреной умчалась, а у меня внутри все похолодело:

— Валдай... Виктор Валдай, начальник службы безопасности Бурова. Бывший подполковник милиции, его пять лет назад за пытки выгнали. Значит, нас жгут не пришлые бандиты, а наши, районные предатели...

Стрельцов тяжело и бережно положил ладонь мне на плечо, заставляя собраться:

— Валдай давно растоптал свои погоны. И за каждую соломинку ответит лично передо мной. Садись за руль, Ксения. Возьмем их на месте преступления.

* * *

Я вела УАЗ по дну балки Суходол с потушенными фарами. Машина ползла по каменным промоинам, раздвигая бампером колючий терновник. Впереди внезапно вырос глиняный обрыв старого карьера. Я крутанула руль вправо, и УАЗ мягко замер в густой полыни в пятидесяти метрах от огороженной площадки подстанции №4.

У трансформаторного шкафа копошились двое в темных комбинезонах. Они уже сорвали замок и обкладывали медные шины бутылками с зажигательной смесью. Рядом стояла синяя «семерка» с мятым крылом.

— Сиди в машине, запри двери, — шепнул Стрельцов и бесшумно скользнул в лесополосу.

Я следила за ним, затаив дыхание. Вот его силуэт мелькнул у вяза... И тут под его ботинком предательски хрустнула сухая ветка акации.

Курага у щитка резко обернулся:

— Менты!

В руке бандита блеснул четырехствольный пистолет «Оса». Хлопок выстрела разорвал рассветную тишину. Тяжелая резиновая пуля со стальным сердечником чиркнула Стрельцова по левому плечу, в клочья распарывая рубашку и вырывая кусок мяса. Рукав мгновенно потемнел от хлынувшей крови.

Роман глухо зарычал от боли, но не остановился: в три тигриных прыжка он настиг Курагу и сокрушительной подсечкой сбил его на щебень. Пистолет отлетел в траву.

И в эту секунду из-за трансформатора выскочил второй бандит — рослый амбал с тяжелым стальным ломом, заноса удар в спину Роману.

Я не успела испугаться. Руки сработали на чистом инстинкте защиты: я щелкнула тумблером, и мощная светодиодная люстра на крыше УАЗа вместе с дальним светом фар ударила

в лицо бандиту ослепительным белым лучом! Амбал взвыл, роняя лом. В ту же секунду я вдавила педаль газа и с ревом мотора бросила внедорожник вперед.

Стальной кенгурятник подсек нападающего, швырнув его в придорожную канаву с мутной жижей. Амбал с диким воплем перевернулся через голову и в панике пополз через сломанный забор в открытую степь.

На насыпи Курага уже чиркал зажигалкой по фитилю бутылки с селитрой и бензином. Стрельцов наступил коленом прямо на его локтевой сустав. Хрустнула кость, бандит взвыл от боли, выронив бутылку. Роман ударом берца отправил смесь в ил оврага, заломил руки рецидивиста за спину и защелкнул наручники БРС-2.

— Мордой в гравий! — тяжело дыша, придавил его капитан.

И тут в кармане куртки уголовного надсадно завибрировал защищенный кнопочный телефон. Стрельцов выдернул трубку, включил громкую связь и поднес к лицу задержанного.

В тишине балки раздался хриплый бас Валдая:

— Курага, отвечай! Насосы подорвал?! Если эта сука Лаврова там — вали ее в упор, труп в карьер! Деньги лежат в тайнике на четырнадцатом километре!

Роман включил запись на своем телефоне и поднес чужую трубку к губам:

— Здравствуй, Валдай. Говорит старший оперуполномоченный капитан Стрельцов. Твой боевик упакован. Запись твоего приказа приобщена к делу о покушении на убийство. Жди в гости, гражданин подполковник.

Валдай грязно выругался и оборвал связь. Стрельцов закинул воющего Курагу на заднее сиденье УАЗа:

— Подстанция цела. Поехали на базу, Лаврова.

Глава 3

В пять пятнадцать утра УАЗ затормозил у боксов МТС. Роман открыл дверь, попытался опереться на подножку, но ноги его подкосились. Потеря крови и боль дали о себе знать: он глухо застонал и осел на колено в дорожную пыль. Дядю Мишу он упрямо отстранил здоровой рукой:

— Сам дойду... Не баба. Курагу не оставляйте...

— Да замолчи ты! — я решительно нырнула под его руку, обняла за талию и заставила опереться на себя. Чувствуя его тяжесть и горячее дыхание у виска, я довела его до деревянного домика агронома и опустила на диван.

Его лицо было бледным, рубашка пропиталась кровью, а ожог на предплечье вспух багровыми волдырями. Я достала ножницы, перекись водорода и аптечку.

— Форму не режь, Лаврова... — слабо усмехнулся он, закрыв глаза. — Казенное имущество...

— Новую куплю, молчи, — прошептала я, аккуратно срезая рукав до ворота.

Пена от перекиси зашипела на ране. Роман лишь крепче стиснул зубы. Я промыла пулевую рану и ожог антисептиком. Мои пальцы касались его горячей кожи, сухих крепких мышц, и от этого прикосновения по телу пробегала острая, волнующая дрожь. Бинтов не хватало. Я сорвала с головы чистую льняную косынку, разорвала надвое и туго забинтовала его плечо и руку, завязав узел на груди.

— Спасибо, Ксюша, — тихо сказал он, и от звука моего имени сердце пропустило удар.

— Это тебе спасибо. За сейф... За жизнь мою.

Во двор въехал полицейский УАЗ с сержантом Денисом Кузьминым. Роман приказал отвезти Курагу в изолятор вместе с прибывшим конвоем и держать связь только со следователем Савельевым из СК. Затем, преодолевая слабость, капитан вышел на крыльцо к механизаторам. Спокойным, твердым офицерским словом он объяснил ситуацию, снял панику и назначил дядю Мишу комендантом круглосуточных караулов стана. Мужики разобрали топоры, ломы и разошлись по секторам обороны.

Но с северо-запада уже наползала свинцово-черная грозовая туча. Шквал грозил сорвать остатки сгоревшей кровли второго ангара и погубить открытое семя суперэлиты.

Я переключила рацию на волну соседей:

— Всем постам! Говорит Лаврова, МТС «Колос Надежды»! Нужна помощь! Нужен брезент и пленка — спасти отцовскую «Степную зарю»!

И через двадцать минут во двор влетели три самосвала старого фермера Карпенко, груженные тяжелыми прорезиненными пологам. Работа закипела как на передовой. Когда натяжной трос сорвался от порыва ветра, Роман вместе с дядей Мишей перехватил канат, натянул его, и мы вместе намертво затянули анкерный болт ключом на девятнадцать. Полог укрыл семена надежным бункером за минуту до первых тяжелых капель ливня.

К шести утра гроза ушла на восток, оставив после себя пьянящий запах озона, мокрой пыли и парной земли.

Роман сидел на деревянных ступеньках домика агронома, затягиваясь крепкой сигаретой «Ява». Я вынесла ему кружку горячего черного чая со степным чабрецом:

— Держи, капитан. Сахару положила побольше.

Он взял кружку, коснувшись моих пальцев, и сердце снова сладко сжалось. Сделал долгий глоток, вдыхая пряный пар, и посмотрел на меня глубоким, долгим взглядом:

— Хороший чай, Лаврова. Степь пахнет.

— Спасибо, что не дал сгореть, Роман.

Он затушил окурок о ступеньку и поднялся во весь свой могучий рост, глядя на просыпающиеся золотые поля:

— Я отсюда никуда не уеду, Ксения. Мой штаб теперь на твоей МТС. Будем жить на стане, чинить технику и держать оборону вместе. А с Валдаем и Буровым мы еще посчитаемся. До последнего зерна.

Я смотрела в его глаза цвета степной полыни и впервые за долгие месяцы поняла: за этой широкой спиной я больше не одна. Впереди была война за урожай, но теперь мы вели ее вдвоем.

Утреннее солнце еще только поднималось над степью, но воздух уже начинал звенеть от подступающей жары. На машинно-тракторной станции стояла непривычная, настороженная тишина. Механизаторы, черные от въевшейся сажи, молча курили у ремонтных боксов, исподлобья поглядывая на капитана Стрельцова. У ворот старого каменного амбара замерли первые три тракторных прицепа, доверху груженные спасенными мешками «Степной зари».

Люди были на пределе. Страх перед ночным нападением еще не выветрился, а присутствие городского опера в прокопченной форме вызывало привычное крестьянское недоверие.

Молодой тракторист Васька со звоном бросил совковую лопату на бетон:

— Всё, шабаш! Городское начальство приехало звёздочки зарабатывать, а нам опять хребты ломать на разгрузке?! Пусть менты сами свои мешки таскают!

Дядя Миша дернулся прикрикнуть на парня, но Стрельцов остановил его жестом. Молча, без единого слова упрека, капитан сбросил форменную рубашку на капот, оставшись в простой серой майке. На его могучем торсе белела тугая повязка из моей льняной косынки, закрывавшая раненое плечо и ожог.

Роман подошел к прицепу и здоровой рукой подхватил край пятидесятикилограммового джутового мешка. Дядя Миша молча взял второй конец. Вдвоем они занесли зерно в полумрак амбара. Назад капитан вернулся за следующим.

Васька густо покраснел, опустил глаза и, выругавшись сквозь зубы, молча схватился за лопату. Через минуту работали уже все.

Но беда не заставила себя ждать. Когда мужики покатали тяжелую тележку с мешками к широким дверям, под колесами с сухим треском проломился старый деревянный настил. Телега опасно накренилась, мешки на миллионы рублей вот-вот готовы были рассыпаться в придорожную грязь и пыль.

Я схватила монтировку, пытаясь поддеть прогнившие доски, но Роман мягко отодвинул меня:

— Ладонь береги, Лаврова. Дай помогу.

Он быстрым шагом направился к сварочному посту, вытащил из металлолома два массивных стальных швеллера и уложил их прямо поверх зияющей ямы. Натянул защитный щиток, чиркнул электродом. Снопы ослепительно-голубых искр брызнули во все стороны, запахло паленым металлом и окалиной. За пять минут Роман намертво прихватил швеллеры электросваркой, создав несокрушимый стальной пандус, по которому тележки покатались как по маслу.

К полудню, когда закончили развозить спасенные мешки и последний прицеп опустел, дядя Миша с тревогой осмотрел кованые засовы:

— Ксения Андреевна, замок-то старый при пожаре ломом свернули. Запереть нечем. Оставлять семя на ночь открытым — верная погибель.

Стрельцов вытер пот со лба тыльной стороной запястья, подошел к своей «Ладе» и достал из багажника тяжелый гаражный замок из вороненой стали с ригельной планкой и падающим

ключом. Ловко накинул его на петли, провернул ключ трижды — металл шелкнул с надежностью сейфа. Единственный тяжелый ключ Роман вложил прямо в мою раскрытую ладонь:

— Держи, хозяйка. Без автогена сюда теперь даже мышь не пролезет.

При пересчете выяснилось: двадцать мешков у стены промокли от пены огнетушителей. Сушильный комплекс был обесточен, зерно грозило сопресть за сутки. Роман тут же нашел выход: организовал мужиков, заставил поднять брезенты на плоскую железную крышу мастерских и рассыпать влажную элиту тонким слоем под палящее солнце степи. Я проверила слой, заставила мужиков чаще ворошить зерно и прикрыть брезентом раскаленный металл. Теперь влажным мешкам не грозило сопресть.

И в этот миг тишину стана разорвал визг тормозов. Во двор влетел черный джип с тонированными стеклами, из которого вывалился грузный управляющий филиалом банка «Агро-Кредит» в плотном темном костюме не по степной жаре в сопровождении двух крепких парней в черных куртках с резиновыми дубинками:

— Лаврова! — заголосил банкир, размахивая гербовой бумагой. — Пожар — твои проблемы! Мы накладываем арест на всё зерно в счет просрочки по кредиту номер четыреста двенадцать! Парни, вскрывайте амбар!

— Срок платежа через две недели! — шагнула я вперед. — Вы не имеете права!

— Право у того, у кого деньги! — окрысился толстяк.

Из полумрака амбара неторопливо вышел Стрельцов. Руки в черном солидоле, на плече повязка, взгляд тяжелый, немигающий. Не говоря ни слова, он вытащил из кармана брюк красные корочки старшего оперуполномоченного ОЭБиПК и документы, доставленные Кузьминым: группа успела осмотреть спасенное зерно до разгрузки. Роман развернул лист перед банкиром:

— Старший оперуполномоченный капитан Стрельцов. Данная партия зерна осмотрена по делу о поджоге. Самовольно вскрывать склад и забирать чужое имущество я вам не дам. Есть решение суда и документы на взыскание — показывайте. Парни, дубинки спрятали и сели в машину, пока я вам браслеты не примерил.

Банкир побагровел, подавился словами, свернул бумагу и поспешно юркнул в джип. Машина с пробуксовкой вылетела за ворота.

Мужики за спиной облегченно выдохнули, а дядя Миша шагнул к капитану:

— Роман Александрович... Спасибо. Оставайся у нас на стане до жатвы, а? С тобой нам никакой беспредел не страшен.

Стрельцов сдержанно усмехнулся:

— Мне перевязки нужны каждый день, да и питаться чем-то надо, мужики.

Я посмотрела на его широкие плечи, на темные пятна солидола на руках и твердо объявила перед всей бригадой:

— Капитан остается. Жить будет в домике управляющего. Перевязки и обед беру на себя. Это приказ агронома.

Солнце стояло в самом зените, плавя воздух. Водопровод на МТС пересох из-за падения горизонта скважины, мужики падали от жажды. Я подхватила два цинковых ведра, направляясь к колодцу, но Роман перехватил дужки здоровой рукой:

— Тяжести таскать тебе не позволю, Лаврова. Колодцем займусь сам. А ты иди печь топи. Обед по расписанию.

Глава 4

Под навесом из дикого винограда возле домика агронома гуляла благословенная прохлада. Резные зеленые листья отсекали слепящий полуденный зной, бросая на грубый дубовый стол кружевные тени. Воздух здесь был напоен ароматом чеснока, свежего укропа и теплого хлеба.

Роман, притащив два полных ведра студеной колодезной воды, сразу направился к моему УАЗу, доставая отвертку.

Я решительно встала на пороге с вышитым льняным рушником в руках:

— А ну стоять, капитан! Никаких гаек на пустой желудок. Марш руки мыть и за стол!

Стрельцов замер, посмотрел на меня с легким прищуром, в котором впервые мелькнула мягкая, теплая усмешка, и послушно опустил плечи:

— Слушаюсь, командир.

Он тщательно отмыл руки хозяйственным мылом у раковины и сел на широкую лавку. Я поставила перед ним глубокую глиняную миску с наваристым борщом на сахарной говяжьей косточке, щедро заправленным густой деревенской сметаной. Рядом легла тарелка с горячими пампушками, облитыми растертым с солью чесноком и укропом, и запотевший кувшин с резким хлебным квасом.

Роман ел с той истовой жадностью, которая бывает у мужчин после бессонных засад. Опустив ложку, он посмотрел на меня с неприкрытым мужским восхищением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.